

Вырезка из газеты

27 ЯНВ 1978

МОЛОДЕЖЬ
МОЛДАВИИ

г. Кишинев

ПЕРЕД зеркалом в затейливой раме молодой человек снимает грим. Вдоль рамы, над сценой, в нишу огромного театрального здания один за другим гаснут огни. Тяжело шагает, проверяя веревочку ему хозяйство и террористику, шлемоносный огнеборец-пожарник. А в бесчисленных, хитро разветвленных закоулках кулис и хоров, оркестрового котлована, коридоров и коридорчиков столь таинственной для нас страны Засцении угасают, смолкают долго таившиеся в них отголоски сегодняшнего действия — бравадные и веселые, лирические и печальные, героические и трагические. Звучи долго живут в театрах уже после того, как перестали слышаться в зале, и умирают неохотно, все тише отдаваясь в ушах умеющих слушать театр актеров, пожарников, рабочих сцены и сивоусых сторожей.

Парень перед зеркалом снимает грим. Вот он отклеивает излом бровей, стирает мазок краски над веком, угольные штрихи в уголках глаз. Стаскивает парик. Теперь он уже не Хозе. Из влюбленного резнища-испанца он опять превращается в простого парня по имени Владимир, для всех в театре — просто Володя.

Всмотритесь, однако, еще раз в его глаза. Вы увидите, что это уже не только Володя, что и Хозе не совсем еще из него ушел. И живя в нем, готовясь к явлению своему и выходу, другие персонажи и лица, известные ему и нам по книгам и постановкам, по прежним визитам в театр и тем, которые мы только еще предвкушаем. Ибо простой этот парень — певец и актер, призванный представить их нам живыми, какими они, наверно, были в воображении замысливших их великих композиторов и писателей.

ДАЛЕКО от Севильи до Кишинева. Тем более от той, давнишней, в которой кокетничала с веселыми кавалерами ветреная Кармен, легкомысленно подталкивая к роковому исходу событий, легшие потом в основу бесчисленной оперы Бизе. Но как ни огромно расстояние во времени и пространстве, Володя должен был его пройти. По самой трудной трассе — дорогой мысли и чувства, тем маршрутом, который в искусстве зовется перевоплощением. На котором мало толь-

ко таланта — нужны еще знания, а главное — труд. И еще, конечно, не обойтись без добрых наставников, учителей-проводников по искусству.

У Володи такие учителя были и есть. В Кишиневском институте искусств, где он занимался пять лет, — заслуженный артист УССР, лауреат Государственной премии СССР Арнольд Григорьевич Азрякан. В театре — главный режиссер, заслуженный деятель искусств Молдавской ССР Евгений Григорьевич Платон и дирижер, заслуженный деятель искусств республики Лев Павлович Гаврилов.

Может быть, именно оперный голос властно позвал молодого артиста в оперу? Или кроме него с не меньшей императивностью диктовала необходимость перемены та возвышенная тяга к самовыражению, которая заставляет человека взять в руки кисть, резец, перо, чтобы создавать полотна живописи, изваяния, романы или сонеты? А актера, чей инструмент и материал — он сам, побуждает из себя самого, перевоплощаясь, выразить в страданиях и муках чужие, но вечно близкие всем нам образы? Может быть, так заявляет о себе не терпящий

воздух Испании, какой видел ее впервые сообщивший о Хозе миру Проспер Мериме, а затем, связывая с нашим веком, — о какой поведали нам Эренбург, Хемингуэй, Пикассо. Пройти по горным тропам, коими пробирались контрабандисты минувшего и партизаны нынешнего столетия. Увидеть ее города, гордый взлет крепостных башен над скалами Эстрададур, спокойную поступь торо, приближающегося к разъяренному быку.

Володя хорошо «спел Хозе». Лев Павлович не похвалит зря. Но дирижер доволен не этим. Лев Павлович с удовлетворением видит, как его новый питомец, хорошо

зная задача для любого актера-певца.

Володя уже напряженно трудится над новой ролью. А дальше намечается еще одна — тоже сложная — в опере «Дракон», написанной композитором Эдуардом Лазаревым; режиссер считает, что эта работа послужит для Володи и большой и хорошей школой. А дальше — новые роли, арии. В операх, которые есть, и особенно, — которые еще будут, обязательно будут написаны. И общественная работа, шефская — выезды в города и села Молдавии, выступления перед тружениками полей, заводов и фабрик. И поездки по стране.

Жизнь в искусстве, где быть талантливым мало, а нужен прежде всего огромный труд, — вот что ожидает Володю — Владимира Павловича Закиковского, молодого певца Молдавского государственного театра оперы и балета.

УСТАЛЫЙ певец поздним вечером снимает грим. Но труд его далек не окончен. Загляните в его глаза, и вы увидите, как много живо в нем от характеров и умов, которые ему довелось и еще доведется воплощать, от лучшей части их раздумий, мужества, добрых чувств.

И это его накопление, этот артистический капитал молодого человека — опять непрестанно в деле. На нем Володя, еще не выйдя из театра, уже строит свое отношение к будущим ролям, размышления о новых своих героях. Свою непрерывающуюся ни днем, ни ночью работу.

Ибо, путешествуя в воображении в иные края и эпохи, готовясь представить на сцене новые человеческие характеры, молодой певец трудится для нас с вами, своих сограждан. Ради всех, кто приходит в театр за новым зарядом воодушевления и раздумья, энергии и доброты. Всего, что так нужно каждому из нас в будни и праздники. И что претворяется в плоды собственного творчества каждый слушателем и зрителем театра, будь он рабочим или ученым, учителем или инженером, хлеборобом или врачом.

И. ПУНГЭ.

Творчество молодых

ДАЛЕКО ОТ СЕВИЛЬИ

Окончив институт, Володя стал солистом эстрады филармонии. Ее артисты, надеясь, не обидятся, если мы скажем, что человеку с дарованием и хорошим голосом не так уж трудно добиться здесь успеха. Аплодисменты гораздо чаще оглушают баловней «эстрадной» публики, чем оперных певцов. Работать, конечно, надо и здесь, но труд труд рознь, и по этому поводу вряд ли кто станет с нами спорить. Уже в первый свой год в филармонии Володя стал лауреатом республиканского конкурса молодых исполнителей. Казалось бы, впереди открывается накатанный путь... Но парень по нему не пошел. После двух лет «в эстраде» он добивается заветной цели — его принимают в Молдавский Государственный театр оперы и балета.

— У него типичный оперный голос, — говорит Е. Г. Платон. — Лирико-драматический тенор.

возражений артистический талант?

Но таланта, как сказано, мало. Нужен большой труд. Огромный. Володя это, судя по всему, прекрасно сознает.

— Нас в театре радует его хватка, — говорит Евгений Григорьевич. — Сценическая подготовка, полученная им и другими молодыми певцами в институте, к сожалению, не достаточна для оперы, надо наверстывать упущенное. Но с первой ролью Володя справился, можно сказать, поактерски.

В той первой роли надо было, конечно, вжиться не только в образ ревнива Хозе. Тот испанский парень был, в сущности, не так уж сложен — вначале профессиональный солдат, потом — контрабандист... Натура цельная, по своему интересная, не слишком, однако, осложняемая интеллектуальными порывами. Но чтобы показать его, испанца своего времени, надо было в это испанское время отправиться — с помощью и воображения, и знания. Вдохнуть

спев партию, продолжает критически анализировать выполненную им задачу, думать над спетой партией; несмотря на успех, молодой певец продолжает над ней работу.

Далеко от наших мест до Италии. И, чтобы увидеть ее карбонариев, следует тоже оседлать «машину времени», способную вернуть нас в прошлое столетие. Но что поделаешь, надо: начата работа над оперой Пуччини «Тоска».

Володе в новой постановке выпала роль Каварадосси. Это был художник, талант, развитая творческая личность. Здесь мало вживания в характер и чувства своего персонажа — нужно проникновение в его незаурядный интеллект. Ведь Скарпни, по опере, убил не просто итальянского юношу, негодяй оборвал жизнь талантливого и умного человека. Эта роль, особенно ария первого акта, где Каварадосси показан за работой — он пишет мадонну, — слож-